

Т. Н. Маркова, О. В. Яковлева

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА В ЗЕРКАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКИ

Освещается проблема восприятия современной русской прозы западной критикой; особое внимание уделяется анализу различий в подходах и национально-культурных особенностей восприятия новейшей русской литературы в России и на Западе. Путем сопоставительного анализа суждений отечественной и англоязычной критики о творчестве Л. Петрушевской, В. Маканина, В. Пелевина выявляются основные тенденции в рецепции современной российской словесности.

Ключевые слова: *современная русская проза, англоязычная критика, западная критика, отечественные критика и литературоведение, феминистская литература, женская проза, советская литература и ментальность, постмодернизм, поп-культура, когнитивный диссонанс, русский национальный архетип.*

С падением «железного занавеса» возможности знакомства западноевропейского читателя с современной русской литературой, а также прямого контакта отечественной и зарубежной критики значительно расширились. Стали доступны, в том числе через Интернет, статьи и рецензии западных славистов, позволяющие сформировать более объемный взгляд на современную словесность, обогатить подходы и оценки российской гуманитарной науки иным аналитическим инструментарием, иным опытом.

В нашей статье мы остановимся на некоторых суждениях англоязычной критики о творчестве популярных на Западе современных российских писателей – Л. Петрушевской, В. Маканина и В. Пелевина.

Прозу Л. Петрушевской в отечественной критике и литературоведении предпочтительно рассматривать в координатах экзистенциального сознания и в свете «поэтики обывательных мифологем». Мы имеем в виду работы авторитетных отечественных критиков, среди которых – А. Барзах, С. Бочаров, М. Васильева, Н. Иванова, Т. Касаткина, О. Лебедушкина, М. Липовецкий, О. Славникова, С. Семёнова, М. Ремизова, Е. Шкловский и др. В зарубежной славистике преобладают мифологический и психоаналитический подходы к анализу ее произведений. Назовем очень показательную в этом смысле работу Е. Гоцило [1]. В западных публикациях настойчиво подчеркивается близость Л. Петрушевской к эстетике театра абсурда [2].

На Западе ее творчество довольно часто рассматривают в контексте феминистской литературы как вариант новой, «антиженственной» женской прозы. Такая проза имеет широкую читательскую аудиторию, но критики к ней относятся весьма неодобрительно, в силу того что в ней изображаются бытовые и эмоциональные драмы российских женщин. Совершенно естественно, что в женской прозе на первом месте стоят семейные проблемы, отношения мужа и жены, матери и детей. Именно здесь Петрушевская предстает как весьма оригинальный, часто эпатажирующий читателя автор.

По утверждению Жозефины Волл, излюбленная тема русской писательницы – инфантилизация жен-

щинами своих мужей и детей с целью поддержания собственной роли кормилицы. Героиня повести «Время – ночь» своими руками создает эгоистичных монстров, причем баловень и вампир в случае Петрушевской – это две стороны одной медали.

В произведении Петрушевской западный исследователь видит провокационный «антиженственный» эпатаж, намеренную фиксацию внимания на невзгодах в жизни героев, физических лишениях, утратах, трудностях, психическом насилии, боли и оскорблениях. Материальные трудности и лишения, изображенные в повести, по мнению критика, отражают подлинные реалии жизни большинства населения российских городов, а также резонируют с русской литературной традицией, перекликаясь с Достоевским.

Герои Петрушевской обитают, фигурально выражаясь, в башнях, замкнутых, как тюрьма, пространствах. Они испытывают такое чувство, как будто живут в магическом круге. (Образы круга, воронки, лабиринта, ловушки, порога наполняют все ее повести и рассказы.) Атмосфера клаустрофобии, тесноты, сужености, сжатости еще более усиливается разрушением временных рамок. События передаются «методом аналепсии и пролепсии» (ретроспекции и предсказания), действие «ахронологично», время становится «слугой пространства» [3, с. 125].

Проза Л. Петрушевской шокирует западную критику. Через субъективный взгляд своей героини-рассказчицы (в повести «Время – ночь» это кормилица большого нескладного семейства, нищая поэтесса Анна Андриановна) она вносит «настроение разрушения священной благодатной материнской преданности» [3, с. 126], расшатывает веру в традиционные русские аксиомы, в частности в восприятие интеллигенции как носительницы идеалов цельности и морали.

Разрушение стереотипов последовательно ведет и В. Маканин. На Западе его творчество интересует таких авторов, как П. Роллберг, С. Далтон-Браун, К. Даусетт и др. Канадский славист Н. Шнейдман, в частности, пишет: «Сегодня Маканин – один из немногих русских писателей, кому удалось за пределами брежневской эры сохранить уровень художественности своей прозы. Путем создания экзистенциаль-

ного мифа Маканин в своих недавних произведениях сформулировал новую концепцию реальности, причем не застывшую, а подвижную и текучую. Он создает сюжеты, впечатляющие своей философской значительностью, которые обновляют без тривиализации обсуждаемые им темы» [4, с. 86]. Не просто обновление, а начало принципиально новой фазы в развитии российской словесности диагностирует Колин Даусетт в статье «Постмодернистская аллегория в современной советской литературе: “Утрата” Владимира Маканина» [5].

Исследователь указывает на сложность авторского проекта и настаивает на необходимости прочтения повести в аллегорическом ключе. Вдумчиво и подробно анализируя все три части «Утраты», он высказывает смелое предположение: «Возможно, В. Маканин отвергает не только духовные решения, предложенные советской литературой последних десятилетий, но и сам идеал проекта, который был центральным для всей предшествовавшей прозы». «“Утрата”, – констатирует исследователь, – это заявление о серьезном затруднении, в котором находится советская литература: о чем должен писать современный русский писатель, о каких идеалах, если все формы идеализма оказались неадекватны действительности» [5, с. 34].

Ответ Маканина заключается в структуре и стиле его повести. По мнению зарубежного ученого, она представляет в советской литературе западный вариант сочинения. Вместо истории с прозрачной идеей перед нами текст, проблематичный для понимания. В повествовании явлен экзистенциальный кризис рассказчика и анонимного протагониста и читателю не предложено никакой объективной реальности. Так повесть Маканина демонстрирует важнейшие черты постмодернистского текста.

Западная критика (Брайн Макхейл, например) утверждает, что постмодернисты заново открыли аллгорию, но их конструкции в лучшем случае оказываются иллюзией или полностью разрушаются при более внимательном чтении текста. Именно это происходит в «Утрате». Сначала вроде бы ясна аллегорическая схема, но потом она становится непонятной, так как внешние указатели, обязательные для интерпретации аллгории, совершенно отсутствуют. Тоннель Пекалова оказывается бессмысленным, попытки рассказчика и анонимного героя ни к чему не приводят – так что повесть оставляет читателя в непонятном дискомфорте, и это тоже черта западного постмодернизма – оставлять читателя без определенной схемы. Таким образом, Даусетт говорит о феномене появления постмодернизма в советской литературе. Повесть Маканина, по его мнению, указывает на то, что советская литература вступает в новую фазу и этот новый шаг характеризуется отстранением от идеологических и формальных препятствий, которые сдерживали ее самостоятельное развитие более шести десятилетий.

От фазы зарождения постмодернизма перейдем к его расцвету в отечественной литературе – творчеству Виктора Пелевина.

Парадокс рецепции Пелевина в критике состоит в том, что, несмотря на пародирование «вестернизации» России, западные критики, а также русские «западники» относятся дружелюбнее к писателю, чем их оппоненты-«славянофилы» – самые стойкие критики постмодернизма. Среди них П. Басинский, И. Гетманский, А. Гаврилов, М. Свердлов, К. Евлогин и А. Немзер. Нередко они обвиняют постмодернизм в осквернении православия и русского литературного языка. Игорь Шайтанов сравнивает роман «Чапаев и Пустота» с компьютерным вирусом. По его мнению, слишком опасно поддерживать или передавать такую информацию, так как она разрушает культурную память.

Иного мнения придерживается Александр Генис: «Пелевин за десять лет успешной работы помог развернуть отечественную словесность лицом к XXI веку» [6]. И это вовсе не приметы гибели литературы, а ее успешная рыночная стратегия. Речь идет о слиянии коммерческой и «высокой» литературы. Сабина Хэнсен полагает, что популярный и признанный автор Виктор Пелевин является примером такого слияния. Его роман «Generation П» в той же степени книга «о массовой культуре, как продукт этой культуры» [7, с. 124]. С ней солидарна Хелене Мелан: «...если писатель креативен, то он пользуется новыми свободами; он пишет и так же образно, как наша любимая поп-культура и прерывает свою повесть псевдо-рекламными роликами» [8, с. 218]. Он употребляет ненормативную лексику, потому что понимает, что язык – это не священная книга, а живой процесс, – констатирует «Русский журнал» [9].

Если отечественная критика делает акцент на философской основе как важной черте творчества писателя [10, с. 94], то западная – на социальной значимости фигуры автора в современном обществе и стиле письма. Суждения англоязычных критиков о творчестве Пелевина можно резюмировать следующим образом: «В его лучших произведениях можно встретить неожиданные лексические и культурные сопоставления, гоголевский юмор, бесстрашную жажду жизни и упорное стремление найти смысл в хаосе бытия» [11].

Западная критика провозгласила Виктора Пелевина лидером русского постмодернизма. По мнению многочисленных критиков и читателей, чьи отзывы можно найти во всемирной сети, Виктор Пелевин – революционер русского национального сознания, он стоит в авангарде русской литературы. При этом сам писатель в интервью газете Guardian намного скромнее оценивает свою роль: «Я никогда не был героем. Такие люди, как Солженицын, действительно боролись с системой. Я бы никогда не смог этого сделать. Я вообще не уверен, что стал бы писателем, если бы не распад Советского Союза. Возможно, я бы что-то написал, но никогда бы не опубликовал» [12].

Виктора Пелевина по преимуществу интересуют процессы, совершающиеся в сфере сознания и *коллективного бессознательного*, индивидуальной психики, их воздействие на ход истории, социальное поведение людей. Отсюда – внимание к феномену идеологии, рекламы, возможностям компьютерных технологий, психоделике, исследованию современного состояния *русского национального архетипа*. Сегодня антропологи рассматривают культуру не просто как продукт биологической эволюции, а как ее неотъемлемый элемент, главный *механизм адаптации* к внешнему миру.

Пелевин пытается погрузить читателя в состояние, когда он может общаться с собственным бессознательным, тем самым пробуждая культурную память. Среди его персонажей выделяются те, кого условно можно назвать сталкерами. Они не могут понять, что с ними происходит. Они находятся в состоянии культурного шока, когда не могут себя идентифицировать и ощущают раздвоенность, внутренний разлад. Подобные транс приводят к просветлению, выходу в сатори. Пелевин подсказывает читателю способ избежать *когнитивного диссонанса*, возникающего от столкновения с так называемой реальностью (а на самом деле, иллюзией), и достичь гармонии. Он возлагает надежды на коллективное бессознательное и *эволюционную память поколения*.

Прочитав роман «Generation П», отечественная критика сделала открытие о том, что «случилось страшное: телевизионный зритель стал полностью управляемым, переключаемым с программы на программу человеком» [13, с. 212]. Эта «сенсация» англоязычными критиками была воспринята совершенно равнодушно, так как для них уже давно стала нормой жизни. Соглашаясь с утверждением Пелевина о том, что зритель становится «дистанционно управляемой телевизионной программой», или *homo sapiens*, газета пишет: «Да, да, мы знаем: ТВ превращает нас в беспомощные автоматы, с высунутыми языками, миллионы клеток мозга тратятся впустую на 22-минутный комедийный сериал и т. д. и т. п.» [14].

В романе «Generation П», по мнению Сьюзи Хансен, показано, как русские люди некритично имитируют западный образ жизни, Пелевин язвительно изображает рекламный потребительский дух, все обезличивающий. В теории Пелевина пародируется бессоз-

нательность тех, для кого счастье и деньги синонимы, и чей смысл жизни в том, чтобы промчатся «в направлении моря на джипе и в обнимку с девицами, которые явно чихать хотели на женское равноправие» [15, с. 10]. Ну чем не американская мечта, американский идеал преуспеяния в жизни? Сама теория иронична, потому что играет с популярными стереотипами русского общества.

Для большинства американских критиков в книгах Пелевина интересно прежде всего изображение постсоветской действительности и ментальности, отсталой и ущербной, по их мнению. До сих пор в американском обществе живут стереотипы о русской мафии и Советском Союзе как Империи зла. Их смешит советская действительность, а современный рыночный мир они воспринимают откровенно иронически. Сьюзи Хансен усматривает в «Generation П» «беспощадную сатиру на постсоветский корпоративный преступный мир» [14] и не более того. В России Пелевина даже девиз, обещающий «Путь к Себе», оказывается всего лишь магазинной вывеской.

Возможно, причина таких суждений и оценок в том, что статус писателя в России иной, чем на Западе, он по-прежнему высок: «... Для нас Писатель все еще мессия и пророк, в то время как на Западе эта профессия находится в одном списке с шоуменами и клоунами» [16].

Думается, что для объективного понимания романов Пелевина требуется определенный багаж информации из разных областей человеческого знания: компьютерных технологий, восточных вероучений, российской истории. Проблема англоязычной критики есть следствие невозможности собрать воедино все уровни и пласты пелевинских текстов и воспринять их как единое целое, а для этого необходимо, чтобы над критиком не тяготели обветшавшие идеологические штампы и эстетические предубеждения.

Проведенный на материале критических статей и обзоров англоязычных изданий анализ позволяет сделать вывод о том, что наряду с явным сходством в оценках отдельных авторов и произведений между отечественной и западной критикой имеются существенные различия, отражающие национально-культурные особенности восприятия новейшей словесности в России и на Западе.

Список литературы

1. Гошило Е. Художественная оптика Петрушевской: ни одного «луча в темном царстве» // Русская литература XX века. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Ур. пед. ун-та, 1996. С. 109–119.
2. Simmons Katy. Plays for the Period of Stagnation: Lyudmila Petrushevskaya and the Theatre of Absurd. Birmingham Slavonic Monographs, No. 21, Birmingham: University of Birmingham Press, 1992. Kolesnikoff Nina / Absurd in Lyudmila Petrushevskaya's Plays // Russian Literature. XL111 (1998). P. 469–480.
3. Wall Josephine. The Minotaur in the Maze: Remarks on Lyudmila Petrushevskaya // World Literature Today: A Literary Quarterly of the University of Oklahoma. Vol. 67. № 1. 1993. P. 125–126.
4. Shneidman N. N. Russian Literature, 1988–1994: The End of Era. Toronto-Buffalo-London: Univ. of Toronto Press, 1995.
5. Dowsett Colin. Postmodernist allegory in contemporary soviet literature: Vladimir Makanin's Utrata // Australian Slavonic and East European studies, 1990. Vol. 4. No. 1–2. P. 21–35.
6. Генис А. Феномен Пелевина // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html>

7. Haensgen S. Kommerzialisierung der Literatur / Literarisierung der Kommerzes // Analysen zur Kultur und Gesellschaft im ostlichen Europa, Band 13, Hrsg: Wolfgang Eichwede, Forschungsstelle Osteuropa an der Universitaet Bremen. Edition Temmen.
8. Melan H. Generation "ППП" // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 54 (2001).
9. Минкевич А. Поколение Пелевина // Русский журнал. 1999. 8 апр.
10. Закуренко А. Искомая пустота // Лит. обозрение. 1998. № 3. С. 91–95.
11. Mozur J., Pelevin V. Post-sovism, buddhism, and pulp fiction // World Literature Today. 22 mar. 2002 [www.ou.edu.world:t/2002_wlt_index.pv7](http://www.ou.edu/world:t/2002_wlt_index.pv7)
12. Интервью с писателем Пелевиным // Guardian. 2000. Апр.
13. Роднянская И. Этот мир придуман не нами // Новый мир. 1999. № 8. С. 207–217.
14. Hansen S. "Homo Zapiens" by Viktor Pelevin // www.salon.com/books/review/2002/02/21/pelevin/index.html
15. Пелевин В. Generation «П»: роман. М.: Варриус. 1999. 302 с.
16. Евлогин К. Проклятье писателя «П» // <http://pelevin.nov.ru/stati/o-evlo/1.html>

Маркова Т. Н., доктор филологических наук, профессор.

Челябинский государственный педагогический университет.

Пр. Ленина, 69, г. Челябинск, Челябинская область, Россия, 454080.

Яковлева О. В., ассистент.

Челябинский государственный педагогический университет.

Пр. Ленина, 69, г. Челябинск, Челябинская область, Россия, 454080.

E-mail: makavelli@htmail.ru; mak262@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 06.05.2010

T. N. Markova, O. V. Yakovleva

CONTEMPORARY RUSSIAN PROSE IN THE MIRROR OF THE ENGLISH-SPEAKING CRITIQUE

The article covers the problem of perception of the contemporary Russian prose by the Western criticism; a special attention is given to the analysis of differences in approach and of national and cultural peculiarities of the perception of the newest Russian literature in Russia and in the West. By means of the contrastive analysis of opinions about L. Petrushevskaya's, V. Makanin's, V. Pelevin's works in the native and English-speaking criticism the major tendencies in the reception of the contemporary Russian literature are developed.

Key words: *contemporary Russian prose, English-speaking criticism, western criticism, native criticism and philology, feministic literature, female prose, Soviet literature and mentality, postmodernism, pop-culture, cognitive dissonance, Russian national archetype.*

Markova T. N.

Chelyabinsk State Pedagogical Univesity.

Pr. Lenina, 69, Chelyabinsk, Chelyabinskaya oblast, Russia, 454080.

Yakovleva O. V.

Chelyabinsk State Pedagogical Univesity.

Pr. Lenina, 69, Chelyabinsk, Chelyabinskaya oblast, Russia, 454080.

E-mail: makavelli@htmail.ru; mak262@inbox.ru